
I. ROZPRAWY I ANALIZY

DOI: 10.17951/et.2026.38.9

Галина Кабакова

Университет Сорбонна, Париж, Франция

ORCID: 0000-0002-2648-5136

e-mail: galina.kabakova@sorbonne-universite.fr

Н.И. Толстой и московская этнолингвистическая школа

N. I. Tolstoy and the Moscow ethnolinguistic school

Abstract: The article analyzes the sources of N. I. Tolstoy's ethnolinguistic theory, as well as its relationship to related Western European disciplines: linguistic ethnography and ethnographic or anthropological linguistics. It also examines concepts that were especially important for N. I. Tolstoy and S. M. Tolstaya, such as cultural semantics. The author discusses attention to the school established by the Tolstoys, its main scientific achievements, and its new object of study.

Keywords: ethnolinguistics; school; cultural semantics; encyclopedia

Термин этнолингвистика вошел в научный обиход московских лингвистов в конце 1970-х годов, но использование ее концептов и подходов можно датировать началом этого десятилетия. Никита Ильич Толстой уже в 1950-е годы занимался полевыми исследованиями славянских диалектов, прежде всего болгарских, а с 1962 г. он стал работать в Полесье, которое в то время представляло собой малоизученный регион. Интерес к Полесью объясняется и тем фактом, что некоторые специалисты рассматривали его как возможную прародину славян. Собранный в экспедициях Института славяноведения и балканистики лингвистический материал должен был быть представлен в виде диалектологического словаря.

Однако чтение монографий Казимежа Мошинского и Чеслава Петкевича, посвященных традиционной культуре Восточного Полесья

(Moszyński 1934; Pietkiewicz 1938), пробудило интерес Н.И. Толстого к экстралингвистическому, прежде всего этнографическому материалу. В 1974 г. Толстой и участники его экспедиций дополнили программу сбора лексического материала вопросами о культурных реалиях, традиционных занятиях и верованиях.

Для этнолингвистического метода, сформулированного Н.И. Толстым, принципиально важными были две лингвистические школы начала XX века. Прежде всего немецкая школа лингвистической географии «*Wörter und Sachen*» Рудольфа Мерингера и Хуго Шухардта, опиравшаяся на работы Якоба Гримма. Именно под влиянием идей о соотношении географии слов и обозначаемых ими вещей были созданы романские и германские лингво-этнографические атласы. Этот подход пробудил интерес Толстого к изучению географии и лексики, и этнографических фактов (реалий, верований, ритуалов, фольклорных текстов).

Другим источником стала гипотеза, высказанная Эдвардом Сэпиром, его учителем Францем Боасом и социологом Эмилем Дюркгеймом и развитая Бенджамином Уорфом. По их мнению, мир воспринимается под влиянием языковых моделей, например, в соответствии с грамматической структурой родного языка, поэтому содержание речевого высказывания неотделимо от культурного контекста. Методологические положения Сэпира и Уорфа, опирающиеся на идеи Гердера и Гумбольдта, можно считать предпосылкой того типа этнолингвистики, которую определяют как лингвистическую этнографию: она видит свое предназначение в анализе конститутивной роли языка в народной культуре. При таком подходе главным предметом исследования становится культура, т.е. экстралингвистическая реальность, воспринимаемая через призму языка.

Такое понимание характера взаимоотношений между языком и культурой способствует использованию методов, применяемых в лингвистике: компонентного анализа, структурно-семиотического и др. Понятие текста, столь важное для московско-тартусской семиотической школы, подсказало Н. И. Толстому идею описать обряд как высказывание, разворачивающееся на вербальном, предметном и акциональном уровнях. Подобно любому другому, оно подчиняется правилам грамматики, в данном случае – грамматике обряда. Такая экстраполяция лингвистического анализа дает возможность выявить повторяющиеся значимые элементы (действия, эпитеты и т.д.), их функции (символическое значение) и их системные характеристики.

Совокупность таких элементов в идеале должна была бы составить тезаурус общеславянской народной культуры. А их парадигматические

и синтагматические связи позволяют проследить генетическое или типологическое сходство между обрядами разных традиций, что, в свою очередь, в перспективе даст, как полагал Толстой, возможность составить историческую и сравнительную грамматику славянской народной культуры, наподобие сравнительной грамматики славянских языков.

Напомним, что этнолингвистика как отдельное направление в лингвистике в этот момент возникает в разных странах мира, например, в Польше, Франции, США. В Западной Европе этнолингвистика 1970–1990-х годов представляет собой скорее этнографическую или антропологическую лингвистику, так как объектом изучения остается сам язык, в той мере, в какой он отражает традиционные знания (понятия, верования, трудовые навыки и т.п.). Таким образом, язык изучается не феноменологически, но *sub specie culture*, а этнология оказывается – в свою очередь – вспомогательной дисциплиной для этнолингвиста.

Никита Ильич дал в своих работах сильно различающиеся определения этнолингвистики. Первое, более узкое, определяет ее как часть лингвистики: «Этнолингвистика есть раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» (Толстой 1995: 27). Такое истолкование можно определить как этнографическую лингвистику. Второе, более широкое, определение представляет этнолингвистику как самостоятельную дисциплину, «предметом изучения которой является весь “план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.» (Толстой 1995: 39). Речь идет таким образом об экспансии лингвистики с ее методологией в соседние дисциплины, прежде всего в этнографию, поэтому можно сблизить такой широкий подход с тем, что на Западе определяется как лингвистическая этнография. Разумеется, указанное различие подходов не носит абсолютный характер.

Одним из важных вкладов Н.И. и С.М. Толстых в лингвистическую теорию является разработка концепта культурной семантики (Толстая 2008). Слова, рассмотренные в широком культурном контексте, как было показано Толстыми на многих лексических примерах (например, при анализе таких слов, как *веселый*, *кривой*, *играть* и т.д.), обладают более богатой и разнообразной семантикой, чем это фиксируется в лингвистических словарях. При этом культурная семантика необязательно совпадает с семантикой языковой. Например, культурная семантика

глагола *ходить* включает значение плодородия, продуцирования жизни, что никак не фиксируется в словарях (Толстая 2010а).

Вообще многие периферийные для классической лингвистики понятия приобрели в свете этнолингвистического подхода иной смысл. Так, например, Толстые вскрыли эффективность механизма народной этимологии в ритуальной практике славян (Толстой, Толстая 2008). Особое внимание они уделили проблеме времени, тому, как оно отражается языком, а также фольклором и ритуалом. Их интересовало, как участники ритуалов, «сжимая» время (например, в процессе создания «обыденных» предметов) или, наоборот, растягивая его (в сказочных текстах), стремятся изменить реальность (Толстой 2003а, б; Толстая 2010b).

Никита Ильич обладал необыкновенным педагогическим и организационным талантом. За почти 30 лет преподавания в МГУ он создал целую школу исследователей, которые и сегодня осознают себя учениками академика Толстого¹. Именно полевая работа сформировала эту плеяду ученых. При этом экспедиции не сводились к сбору и обработке материала, они были настоящей летней школой, поскольку по вечерам проходили семинары, на которых выступали и новички-студенты, и авторитетные специалисты.

Школа Толстого была далеко не единственной активной школой, формировавшей молодых лингвистов. Были школы Апресяна, Зализняка, Успенского, но наиболее близкой даже в территориальном отношении была школа или, точнее, группа структуралистов во главе с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и Владимиром Николаевичем Топоровым (комнаты обоих отделов во всех зданиях Института славяноведения и балканистики находились по соседству). Поэтому многие установки строились в имплицитной полемике со структуралистскими: так, увлечению дуальными структурами и подчас недоказуемыми построениями, например, в работах, посвященных мифологии, Н.И. Толстой противопоставлял прагматизм, то есть «безусловный приоритет живому эмпирическому материалу» перед построением общей теории (Толстая 2015: 52). Другим важным моментом, как представляется, стало взаимодействие московской этнолингвистической школы

¹ Переиначивая слова Пушкина, ощущение себя «птенцом гнезда Толстого» продолжает вести меня по жизни. И самой ценной реликвией моей библиотеки я считаю сборник статей Никиты Ильича, вышедший за год до его кончины, с написанным изумительным каллиграфическим почерком посвящением, где слышится чуть заметная ирония: «Милой и необыкновенной Галине Кабаковой преклоненно от бывшего учителя, а ныне единомышленника и коллеги. Н. Толстой».

и люблинской, а позже, уже после кончины Никиты Ильича, и с екатеринбургской.

Воспитание целой плеяды ученых лингвистов, этнографов и фольклористов было подчинено общему плану изучения отдельных сегментов народной культуры разных славянских народов. И не только славянских. Когда я пришла после первого курса в семинар Никиты Ильича, он дал мне тему, связанную с демонологической терминологией в скандинавских языках, поскольку я училась на германском отделении филфака. Темой моей дипломной работы были немецкие и скандинавские хронимы, а в качестве темы диссертации Никита Ильич предложил мне терминологию календарных обрядов у румын в сопоставлении со славянской (Кабакова 1982, 1989). Желание прояснить связи славянского мира с иноэтническими соседями диктовало и выбор других дипломных и диссертационных тем, например, сравнение славянской и иранской астрономической лексики (Азимов 1979), терминология болгарской и гагаузской календарной обрядности (Сорочану 1995) или лексика литовских календарных праздников (Мякова 1979). Сегодня, читая список работ учеников Толстого от курсовых до диссертационных (Толстая 2023: 290-298), становится ясно, что они были кирпичиками для построения здания будущей энциклопедии «Славянские древности». Однако путь к нему был долог.

Изначально главным проектом Толстого и его группы было создание Полесского этнолингвистического атласа. Он должен был предоставить новые аргументы в решении проблемы этногенеза славян. Систематические обследования Полесья совместной экспедицией Института славяноведения и балканистики и МГУ по довольно плотной сетке населенных пунктов продолжались многие годы, вплоть до Чернобыльской катастрофы 1986 г. Работа велась по вопросам, посвященным этнографическим фактам и соответствующей терминологии. Они касались обрядов жизненного и календарного циклов, традиционных занятий (земледелие, скотоводство, строительство, ткачество, выпечка хлеба), народных представлений о природе, низшей мифологии, а также отдельных фольклорных жанров.

После 1986 г. стало понятно, что продолжать коллективные экспедиции в зараженной зоне невозможно, и Никита Ильич предложил сосредоточить усилия на другом масштабном проекте – этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (Толстой 1995-2012). Он стал результатом систематического исследования ключевых фрагментов народной культуры по всем славянским языкам. Задачей словаря было максимально полно представить традиционную картину мира

всех славянских народов, причем упор делался именно на выявлении архаического пласта культуры, что и было отражено в названии издания. При этом словарь сочетает в себе оба типа этнолингвистики: этнографической лингвистики и лингвистической этнографии. Статьи строятся от слова к значениям или, наоборот, от реалии к терминам, ее означающим.

Тот же комбинированный подход от слова к реалии и от реалии к слову применяют участники московской этнолингвистической школы и в своих индивидуальных исследованиях. Приведу лишь несколько примеров. Как было сказано, одним из коллективных проектов было создание атласа, сочетающего картографирование изоглосс, а также изопрагм и изодокс. Некоторые пробные карты, посвященные верованиям, ритуалам, но также и поэтической и музыкальной форме отдельных песенных жанров в Полесье, были опубликованы (Агапкина 1994, 1995; Валенцова 1995; Виноградова 1986, 1995; Гура 1986; Кабакова 1994; Пашина 1986; Плотникова 1995; Свительская 1995; Толстая 1986; Толстой 1986; Харитоновна 1986).

Работа по картографированию Полесья не могла быть завершена, но зато оказалось возможным составить этнолингвистические карты балканского славянского пространства. Такая кропотливая и трудоемкая работа была проделана Анной Плотниковой. В своей монографии, подводящей итоги многолетних этнолингвистических исследований, она проанализировала и отразила в полсотне карт целый ряд диалектных терминов и этнографических реалий, относящихся к календарным и семейным обрядам и демонологии и собранных ею в ходе экспедиций на Балканы, но также и в архивах (Плотникова 2004).

В книге Ирины Седаковой «Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст» также с помощью анализа лексики и фразеологии исследуется важный фрагмент традиционной картины мира в одной национальной традиции: рождение ребенка (Седакова 2007). Александр Гура освещает разные аспекты свадьбы, в том числе и ее терминологию, на общеславянском материале (Гура 2011).

Огромный этнолингвистический материал, собранный в ходе многолетних экспедиций в Полесье, стал общедоступным благодаря специальным тематическим словарям, например, словарю хрононимов, опубликованному С.М.Толстой в ее монографии «Полесский народный календарь» (Толстая 2004). Собранный в ходе полевых экспедиций материал позволяет реконструировать данную терминологическую систему и выявить существенные моменты традиционного календаря в той мере, в какой они отражены терминологией.

Если традиционный календарь (Валенцова 2016), обряды жизненного цикла, демонология представляют собой те области народной культуры, которые более всего интересовали Н.И. Толстого вслед за первыми исследователями этнографии Полесья К.Мошинским и Ч. Петкевичем, то с годами московские этнолингвисты открыли для себя новые предметы исследования. В поле зрения ученых впервые попали те жанры фольклора, которые в прошлом не привлекали внимания лингвистов. В последнее время О.Сурикова и С.М.Толстая (2024) применили этнолингвистический подход к языку былин. Кроме того исследователи обратились к этиологическим сказкам и легендам, большинство из которых относится к Народной Библии (Белова 2004; Белова, Кабакова 2014). В энциклопедическом словаре «Восточнославянские этиологические сказки и легенды» мы предложили для их анализа морфологический подход, опираясь на морфологию сказки В.Я. Проппа и грамматику обряда Н.И. Толстого (Кабакова 2019).

И сегодня московские этнолингвисты, взаимодействуя с этнолингвистами Екатеринбурга и Люблина, продолжают развивать теорию и методологию этой дисциплины, осваивая новые тематики и новые территории (Чёха 2009).

Литература

- Агапкина Татьяна А., 1986, *«Закливание весны» в Полесье*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 34–39.
- Агапкина Татьяна А., 1994, *Юрьев день в Полесье: ритуальные выходы в поле*, [в:] Гриценко Павло (від. ред.), *Проблеми сучасної ареалогії*, Київ: Наукова думка, с. 324–331.
- Агапкина Татьяна А., 1995, *Очерки весенней обрядности Полесья*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*, Москва: Наука, с. 21–107.
- Азимов Эльхан Г., 1979, *Русско-славянская астрономическая и метеорологическая терминология в сравнительно-историческом и типологическом плане*, Москва: МГУ (диссертация на соискание степени кандидата филологических наук).
- Белова Ольга В. (сост.), 2004, *«Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды*, Москва: Индрик.
- Белова Ольга В., Кабакова Галина И. (сост.), 2014, *У истоков мира. Русские этиологические сказки и легенды*, Москва: Неолит.
- Валенцова Марина М., 1995, *Материалы для картографирования типов полесских святочных гаданий*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*, Москва: Наука, с. 209–222.
- Валенцова Марина М., 2016, *Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект*, Москва: Индрик.

- Виноградова Людмила Н., 1986, *Мифологический аспект полесской «русальной» традиции*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 88–135.
- Виноградова Людмила Н., 1995, *Региональные особенности полесских поверий о домовом, Откуда берутся дети: Полесские формулы о происхождении детей*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*, Москва: Наука, с. 142–152, 173–187.
- Гура Александр В., 1986, *Материалы к Полесскому этнолингвистическому атласу. Опыт картографирования. Дождь во время свадьбы*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 30–33.
- Гура Александр В., 2011, *Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика*, Москва: Индрик.
- Кабакова Галина И., 1982, *Терминология календарной обрядности: хрононимы (на материале немецких и скандинавских языков и диалектов)*, Москва: МГУ (дипломная работа).
- Кабакова Галина И., 1989, *Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской*, Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР (диссертация на соискание степени кандидата филологических наук).
- Кабакова Галина И., 1994, *Дети, умершие до крещения*, [в:] Гриценко Павло (від. ред.), *Проблеми сучасної ареалогії*, Київ: Наукова думка, с. 312–317.
- Кабакова Галина И. (отв. ред.), 2019, *Восточнославянские этимологические сказки и легенды. Энциклопедический словарь* / Сост. О.В. Белова, А.В. Гура, Г.И. Кабакова, С.М. Толстая, Москва: Неолит.
- Мягкова Т.Г., 1979, *Опыт словаря лексики литовского календарного цикла праздников*, Москва: МГУ (дипломная работа).
- Пашина Ольга А., 1986а, *Календарные песни весенне-летнего цикла в юго-восточной Белоруссии*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 44–55.
- Плотникова Анна А., 1995, *Первый выгон скота в Полесье*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*, с. 108–141.
- Плотникова Анна А., 2004, *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Москва: Индрик.
- Свительская В.Л., 1995, *Опыт картографирования полесского погребального обряда*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*, Москва: Наука, с. 188–208.
- Седакова Ирина А., 2007, *Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст*, Москва: Индрик.
- Сорочану Евдокия С., 1995, *Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении в гагаузской (на материале болгарских и гагаузских говоров Бессарабии)*, Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН (диссертация на соискание степени кандидата филологических наук).
- Сурикова Олеся Д., Толстая Светлана М., 2024, *«Причитанья Северного края» Е.В. Барсова: Исследования и материалы к словарю*, Москва: Индрик.

- Толстая Светлана М., 1986, *Солнце играет, Ритуальные бесчинства молодежи, Пахание реки, дороги, Лягушка, уж и другие животные в обрядах вызывания и остановки дождя, Сретенская и четверговая свеча*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 8–14, 18–30.
- Толстая Светлана М., 2004, *Материалы к этнодиалектному словарю полесских хронимов*, [в:] Толстая С.М., *Полесский народный календарь*, Москва: Индрик, с. 27–353.
- Толстая Светлана М., 2008, *Культурная семантика и семантическая реконструкция*, [в:] Толстая Светлана М., *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе*, Москва: Индрик, с. 175–187.
- Толстая Светлана М., 2010а, *Постулаты московской этнолингвистики*, [в:] Толстая Светлана М., *Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике*, Москва: Либроком, с. 7–19.
- Толстая Светлана М., 2010b, раздел *Категория времени*, [в:] Толстая Светлана М., *Семантические категории языка культуры*, Москва: Либроком, с. 150–206.
- Толстая Светлана М., 2015, *Этнолингвистика Ежи Бартминьского*, [в:] Толстая Светлана М., *Образ мира в тексте и ритуале*, Москва: Университет Дмитрия Пожарского, с. 45–53.
- Толстая Светлана М., 2023, «Дела-делишки», [в:] Толстая Светлана М. (отв. ред.), *Слово и человек. К 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого*, Москва: Индрик, с. 687–703.
- Толстой Никита И., 1986, *Троицкая зелень, Невестка стала в поле тополем*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 14–18, 39–44.
- Толстой Никита И., 1995, *Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин*, [в:] Толстой Никита И., *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*, Москва: Индрик, с. 27–40.
- Толстой Никита И. (отв.ред.), 1995–2012, *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т.* Москва: Международные отношения.
- Толстой Никита И., 2003а, *Времени магического круг*, [в:] Толстой Никита И., *Очерки славянского язычества*, Москва: Индрик, с. 27–36.
- Толстой Никита И., 2003b, *Vita herbae et vita rei*, [в:] Толстой Никита И., *Очерки славянского язычества*, Москва: Индрик, с. 37–72.
- Толстой Никита И., Толстая Светлана М., 2008, *Народная этимология и этимологическая магия*, [в:] Толстая Светлана М., *Пространство слова*, Москва: Индрик, с. 226–240.
- Харитонова Валентина И., 1986, *Полесская традиция причитания на восточнославянском фоне*, [в:] Толстой Никита И. (отв. ред.), *Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне*, Москва: Наука, с. 55–62.
- Чёха Оксана В., 2009, *Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: луна и лунное время (этнолингвистический аспект)*, Москва: Институт славяноведения РАН (диссертация на соискание степени кандидата филологических наук).
- Moszyński Kazimierz, 1934, *Polesie Wschodnie: Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyskiego*, Warszawa: Mianowski.
- Pietkiewicz Czesław, 1938, *Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego: Materiały etnograficzne*, Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie (*Prace etnologiczne*, t. 4).

Streszczenie: W artykule analizowane są źródła etnolingwistycznej teorii Nikity Ilicza Tołstoja, a także jej związek z zachodnioeuropejskimi dyscyplinami pogranicznymi – etnografią lingwistyczną oraz etnograficzną lub antropologiczną lingwistyką. Osobno omawiane są ważne dla Nikity i Swietłany Tołstojów pojęcia takie, jak np. semantyka kulturowa. Autorka poświęca uwagę szkole badawczej stworzonej przez Tołstojów, jej głównym osiągnięciom naukowym oraz nowemu przedmiotowi badań.

Słowa kluczowe: etnolingwistyka; szkoła badawcza; semantyka kulturowa; encyklopedia; Nikita Tołstoj; Swietłana Tołstojowa